

Пазухин Алексей Михайлович

**Буря в тихом омуте. Красотка
Настя**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А47

А47 **Алексей Михайлович П.**
Буря в тихом омуте. Красотка Настя / Пазухин Алексей Михайлович – М.:
Книга по Требованию, 2025. – 240 с.

ISBN 978-5-521-27098-9

ISBN 978-5-521-27098-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

вольно унылый и печальный видъ, хотя издали благодаря обилію каменныхъ домовъ съ желѣзными крышами и казалось очень богатымъ.

Теперь эти каменные дома значительно разрушились, штукатурка на нихъ облупилась, яркая окраска воротъ и заборовъ сплыла, и они на-половину стояли необитаемые, стояли съ заколоченными ставнями, разоршіеся же хозяева ихъ кое-какъ ютились либо въ низахъ, уцѣлѣвшихъ отъ разрушенія, либо во вновь построенныхъ домикахъ, уже маленькихъ и деревянныхъ.

Жители села, не имѣя теперь покупателей, каковыми являлись въ доброе старое время многочисленныя прѣдѣлы, торговлей не занимались и попрежнему становились земледѣльцами, да кое-какъ маключили, скуная по округѣ телятъ, куръ, яицъ и поставляя эти продукты въ городъ. Впрочемъ современные жители села Лучинскаго наследовали отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ нравъ предприимчивый, въ жилахъ у нихъ текла кровь коммерческая, и они, какъ утверждаютъ сосѣди, должны въ скоромъ времени поправиться и поставить старинное село хотя бы приблизительно на ту высоту, которую оно когда-то занимало.

Теперь первымъ торговцемъ въ селѣ считался мѣстный крестьянинъ Петръ Онуфриевичъ Корчагинъ, маленький домикъ котораго подходилъ къ самой большой дорогѣ, выкрашенный въ ярко-желтую краску, подъ зеленою желѣзною крышею, окруженный маленькимъ садикомъ, въ которомъ весной цвѣли вишни и яблони, позднѣе благоухала сирень, а во все дѣло до самыхъ заморозковъ цвѣтѣли и неслили ароматы дивки, шоны, астры, георгины и ярко-огненные настурци.

Садикомъ этимъ занималась и его развилка единственная дочка Корчагина Настя, которой къ началу нашего разсказа то-есть лѣтъ пять тому назадъ, исполнилось девятнадцать лѣтъ.

Вся „торговая операція“ Петра Онуфриевича Корчагина состояла въ томъ, что онъ продавалъ фунтовъ десять баранокъ въ день, продавалъ въ недѣлю фунта два, три чаю, фунтовъ пять сахару, такое же количество поставго масла,

столько же почти керосина, полпуда пшеничной муки для праздничных пироговъ по субботамъ да огромное количество подсолнуховъ, которыми лакомились все село, но и такіе обороты „по теперешнимъ временамъ“ села Лучинскаго считались уже большими, а владельца лавки называли „богатыремъ“.

Недавно Корчагинъ открылъ еще чайную лавку, которая стала давать ему значительный доходъ, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ утверждали все языки, поторговывалъ беззавѣсно, безошливно винцомъ, ну, а такая торговля винцомъ, подвергая торговца ожесточенной и серьезной опасности, барыши даетъ значительные и можетъ предприимчиваго торговца либо до тюрьмы довести, либо обогатить.

Самъ Петръ Корчагинъ съ бойкими полручными молодцами рижимъ парнемъ Яшкой торговалъ въ чайной лавкѣ, куда сходилось много самаго разнообразнаго народа, а въ лавкѣ при помощи работницы торговала его красавица дочка Настя, которая во всей округѣ была хорошо известна какъ за свою торговую бойкость, ловкость, проворство, такъ и за выдающуюся красоту.

„Красотку Настю“ знали верстъ на сто кругомъ, слыхали про нее и въ Москвѣ, а дачники поселка „Живые Ключи“, какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ молодые, такъ и старые, влюблялись въ Настю, ухаживали за нею, но рѣшительно было всемъ известно, что успѣхомъ у красотки Насти надъ господъ дачниковъ никто не пользовался.

Красавица была со всемъ изжлная, ласкова, всемъ дарила и чаровала своими улыбками, своими медовыми рѣчами, своими жгучими глазками, но предпочтенія не оказывала никому и въ случаяхъ особенно энергичнаго ухаживанія либо отдавала ухаживателя ледянымъ холодомъ, либо общала спазать тятенькѣ Петру Онуфріевичу, а тятенька ея Петръ Онуфріевичъ былъ угрюмый, суровый и грозный великанъ, почти трехъ-аршиннаго роста, известнымъ не только колоссальною силою, но и крутымъ правомъ.

Его боялись все, и не боялась лишь одна Красотка Настя, умѣвшая какъ-то смирить свирѣпаго родителя своего, мать она, впрочемъ, умѣла смирать и каждого чловѣка.

Настя росла и хорошѣла съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, расцвѣтала, какъ махровая роза, какъ сказочная царевна, не по днямъ, а по часамъ, но замужъ не выходила.

— Что-жъ, Петръ Онуфріевичъ, дочку замужъ не выдаетъ?—спрашивали у Корчагина его сосѣди и покупатели.

Если спрашивавшіи были „человѣкъ стоящій“, такъ Петръ Онуфріевичъ удостоивалъ его отвѣтомъ, человѣку же „маленькому“, человѣку незначительному Корчагинъ либо ничего не отвѣчалъ, превратно отворачиваясь отъ него, либо круто обрывалъ его и осаживалъ, совѣтуя въ чужія дѣла не мѣшаться.

— За кого отдать-то?—говорилъ онъ тому, котораго уло- ставлялъ своимъ разговоромъ.—Какой тутъ народъ-то у насъ? Иванъ одинъ остался, лаптями щи хлебавъ, ни кола, ни двора, ни кругомъ, ни около... Зачѣмъ я на черную работу, на лошадиную, дочку свою отдамъ? Авось она меня не объ- жетъ, авось жениха порядочнаго дождется,—дѣвалъ, кажись, по всѣхъ стѣнахъ и не голая какая-нибудь, а наследница всего моего достатка... Миѣ, другъ, не рука за женскими бѣгать да ихъ отыскивать, полагаю, что и сами придутъ, когда время къ тому подойдетъ, теперь же миѣ Настя—по- мощница и безъ нея я—какъ безъ рукъ... Своихъ жениховъ, ближнихъ, самъ понимаешь, нѣтъ, голышъ народъ кругомъ, ни- чего не стоящій, ну, а далеко куда-нибудь отдать единствен- ную дочку миѣ желанія нѣтъ, да и она въ дальнюю сторо- ну не пойдетъ... Она — неперестарокъ, успѣетъ, а женихъ такой дѣвкѣ найдется, не безпокойтесь...

И женихъ дѣйствительно скоро нашелся.

Лѣтъ пять тому назадъ, т. е. въ ту пору, съ которой на- чинается нашъ рассказъ, пріѣхалъ въ село Лучинское мѣст- ный крестьянинъ Егоръ Прокофьевъ Яркинъ, круглый сп- рота, давнымъ-давно ссорившійся и отца, и мать, и всѣхъ родичей своихъ и жившій въ Москвѣ въ работники у ка- кого-то богатаго купца.

Домишко Яркина, заключенный уже много лѣтъ тому назадъ, совсѣмъ развалился, вросъ въ землю; надѣлъ Яр- кина нѣсколько лѣтъ тому назадъ перешелъ въ общество,

и общество уволито Яркина, который и приписался года три тому назадъ въ мѣщане.

Всѣ забыли о немъ, всѣ думали, что никогда ужъ не вернется владѣлецъ разрушеннаго домишка на окраинѣ села, какъ вдругъ онъ пріѣхалъ на родину, и пріѣхалъ щеголемъ, пріѣхалъ такимъ молодцомъ, что всѣ только диву дались.

Утромъ лѣтняго воскреснаго дня въ село съ большой дороги повернула лкая тройка, запряженная въ городской экипажъ и управляемая наряднымъ ямщикомъ, съ которымъ ѣздить московскіе кутилы и франты.

Въ экипажѣ сидѣлъ черноусый курчавый молодой человекъ, одѣтый хотя и не баринкомъ, не городскимъ франтомъ, но все же очень нарядно, въ щегольскомъ свѣтлосѣромъ пальто поверхъ синяго поджачнаго костюма, въ нарядномъ синемъ картузикѣ, въ высокихъ лакированныхъ сапогахъ, съ массивною золотою цѣпью по жилету, съ шелковымъ зонтикомъ въ рукахъ, обтянутыхъ ядовитыми лайковыми перчатками.

Сидокъ этотъ былъ похожъ либо на купеческаго сына изъ старообрядцевъ, либо на щеголя-приказчика, живущаго у очень богатаго купца и получающаго за большія дѣла большое жалованье.

Сидище у воротъ, у церковной ограды и у чайной лавки Корчагина жители села Лучинскаго подумали, что этотъ щеголь на лхой тройкѣ пріѣхалъ къ кому-нибудь въ дачный поселокъ, но тройка, повернувъ съ большой дороги въ село, круто остановилась у лавки Корчагина, и сидѣвшій въ экипажѣ пріѣзжій выпрыгнулъ на землю.

— Наше вамъ почтеніе-съ! — поклонился онъ стоявшему на крылечкѣ лавки Корчагину, вѣжливо приподнявъ картузъ; поклонился онъ и сидѣвшимъ тутъ лучинцамъ. — Сало Лучинское, Московской губерніи, Н—скаго уѣзда это будетъ?

— Оно самое, — отвѣтилъ Корчагинъ, любясь золотомъ цѣпью пріѣзжаго, его стройнымъ станомъ, его красивымъ лицомъ, его блестящими, какъ солнце, лаковыми сапогами.

— Оно самое Лучинское, точно-что, — отвѣтило нѣсколько голосовъ, принадлежавшихъ тѣмъ словоохотливымъ и празд-

нымъ людямъ, которые любятъ поговорить съ незнакомымъ человекомъ, цѣля надежду, что, можетъ-быть, парадать на чашкѣ.

— Несма пріятно-съ,—весело отвѣтилъ пріѣзжіи и опять поклонился.—А вы, почтеннѣйшій, тутошній житель?

— Здѣшній,—односложно отвѣтилъ Корчагинъ.

— Какъ по фамиліи будете?

— Корчагинъ мы...

— Очень пріятно-съ... Слыхали мы такую фамилію, поминѣ, а мы будемъ Яркины... Зпывали такнхъ?..

Корчагинъ принируилъ свои прощидательные хитрые сѣрые глаза и пристально посмотрѣлъ на пріѣзжаго. Нѣсколько пожилыхъ мужиковъ окружило его со всѣхъ сторонъ и съ любопитствомъ разглядывало.

— Наши Яркины, наши!—проворно заговорилъ маленькій мужиченко въ клѣтчатоъ барскомъ пиджакѣ съ чужого плеча и въ соломенной шляпѣ, полученной въ даръ отъ какого-нибудь щадраго дачника.— Наши Яркины, наши... Звона домъ на крал-то Прокофія Степанова Яркина, который годовѣ пятнацать тому назадъ померъ... У яво сынъ въ Москвѣ гдѣ-то живетъ, въ люди былъ отдавъ... Яркины за- всегда наши были, они...

— Не тыранти ты!—сурово осадилъ мужика Корчагинъ.— Куда дѣвашъ, коли тебя не спрашиваютъ?.. Не съ тобой разговариваютъ, ну, и молчи... Юла безхвостан!..

Пріѣзжіи снисходительно улыбнулись, но на клѣтчатаго мужиченку заглядывауль притѣливо, чтобы его не обидѣть, съ дальнѣйшими же разговорами обратились къ Корчагину.

Обратился съ разговорами, и сейчасъ же всѣмъ стало извѣстно, что этотъ франтоватый пріѣзжіи—никто иной, какъ уроженецъ села Лучинскаго Егоръ Яркинъ, однородный сынъ умершаго Прокофія Яркина, отвезенный двадцати лѣтъ тому назадъ въ Москву и пять вернувшійся на свою родину, чтобы арендовать тутъ землю, постронуться и заняться хозяйствомъ.

— Давно маня, Петръ Онуфриевичъ, на родину тянудо,—разсказывалъ дальше Яркинъ.—Даже тосковалъ я по своей родинѣ и всегда въ мечтахъ держалъ вернуться и вераудся,

коль скоро возможность представилась. Пожимши у хозяина много дѣтъ, скопилъ малую толику деньжонокъ, получилъ расчетъ, и вотъ, стало быть, опятъ на родинѣ, гдѣ и думая основу себѣ положить, домкомъ обавестись, дѣло дѣлать..

— Какое же дѣло?—не безъ тревоги спросилъ Корчагинъ, враждебно уже поглядывая на этого московскаго выходца, въ которомъ онъ чувствъ врага и конкурента, зная, что онъ—человѣкъ коммерческій.

— Да какое Богъ приведетъ...

Малодой щеголь взглянулъ украдкой на лавку Корчагина, на предметъ его торговли и слегка усмѣхнулся.

— Вамъ, любезный землечекъ, мѣшать не стану,—успокоительно замѣтилъ онъ.—Пологаю сельскимъ хозяйствомъ заняться, т. е. нѣ продѣлать земледѣлія, а ежели торговать начну, такъ красивымъ товаромъ, которымъ вы, сколь могу видѣть, не занимаетесь...

— Откъмъ товаромъ я не занимаюсь,—успокоившись, подтвердилъ Корчагинъ.

— Ну, а мнѣ онъ досконально извѣстанъ, такъ какъ я и приходился при красивомъ товарѣ, опирѣть же этого предмета, думаю конями торговать, такъ какъ бывшій хозяинъ мой и къ этому дѣлу, будучи знаменитымъ охотникомъ, меня довольно приучилъ...

Пріѣзжія красивымъ жестомъ отмахнулъ полу пиджака и досталъ изъ кармана массивные золотые часы.

— Время теперь для пріятія пищи самое подходящее,—продолжалъ онъ.—Могу я получить у васъ какое-нибудь проситаніе, могу чайку напиться и ямщика утѣотить?...

— Что-жъ, это можно...

— Весьма вамъ благодаренъ... А постоялаго двора въ нашемъ селѣ не имѣется?

— Вотъ заѣзжія дворъ, а только сѣро тамъ, грязно, проѣзжихъ вѣдь почти никого нѣтъ...

Корчагинъ внимательно оглядѣлъ пріѣзжаго.

— Можно у меня переночевать, ежели располагаете,—добавилъ онъ.

— Съ проводникомъ моимъ удовольствіемъ, если окажете такое гостепрѣмство за приличное вознагражденіе... Сейчасъ

перекушу кушаньями, которыя у васъ найдутся, попью чайку, мѣстника отпущу да съ онаго же дня и сдѣлаюсь жителемъ родного села своего...

Пріѣзжій опять посмотрѣлъ на часы.

— Мѣстный приходскій батюшка, полагаю, дома сейчасъ?—спросилъ онъ.

— Должно-быть, дома.

— Пока вы приготовляете мнѣ трапезу, пойдю оному къ батюшкѣ и покорнѣйше попрошу батюшку сперва панни-индку надъ могилами родителей отслужить, а потомъ въ храмъ Господнемъ благодарственный молебенъ... Довольте спросить, гдѣ домъ мѣстнаго священника?

— Вотъ тутъ, тутъ недалеко, — живо отвѣтилъ мужикъ изъ клѣтчатомъ пиджака. — Я провожу васъ, я вамъ укажу, пожалуйста...

— Я очень вамъ благодаренъ и презентую вамъ за эту услугу на чай, — ласково отвѣтилъ пріѣзжій, приподнявъ карманикъ, вѣжливо всѣмъ поклонился и пошелъ вслѣдъ за клѣтчатымъ мужикомъ.

На крылечко дачки, мимо которой проходилъ теперь пріѣзжій, вышла дочка Петра Онуфріевича Корчагина Настя.

Вышла, оперлась лѣвой рукою о косякъ двери, а правой достала изъ кармашка кедровые орѣшки и стала щелкать ихъ бѣлыми ровными зубками своими, выплевывая скорлупки и смотря на идущаго мимо Иркина.

На дѣвушкѣ была голубая щегольская кофточка изъ легкой шерстяной матеріи, свѣтлая юбочка съ мелкими голубыми цвѣточками и съ вышитымъ наряднымъ передничкомъ; маленькій пунцовый шелковый платочекъ чуть-чуть держался на черныхъ, какъ смоль, волосахъ. Бойко, весело, привѣтливо и насмѣшливо улыбались на молодого франта изъ-подъ черныхъ бровей темныя очи, лукаво и ласково улыбались румяныя губки.

Иркинъ долгимъ-долгимъ взглядомъ посмотрѣлъ на красавицу и вѣжливо ей поклонился.

— Кто такая? — тихо спросилъ онъ у сопровождавшаго его клѣтчатого мужичка.

— Дочка Петра Онуфріевича, Настя...

Оглянувся прїѣзжій на Настю, заглядѣлся на нее, выпнулся на залышавшемъ тутъ полѣно и чуть-было не упалъ, да во-время спохватился и, ловко перескочивъ черезъ полѣно, продолжалъ путь, поклонившись дѣвушкамъ еще разъ.

Настя проводила его веселымъ слержавымъ смѣхомъ...

II.

Жителямъ села Лучинскаго возвратившійся изъ родныя молодой Яркинъ пришелся по вкусу.

Отцовскимъ пожилымъ крестьянкамъ понравилось, что Яркинъ поступилъ „какъ быть слѣдуетъ“, то-есть отслужилъ честь-честью паннихидаку на могилкахъ своихъ родителей, потомъ отслужилъ молебень. Любящимъ выпить на чужой счетъ Яркинъ понравился тѣмъ, что поставилъ два ведра вина съ обильнымъ угощеніемъ, предлагая поздравить себя съ благополучнымъ прїѣздомъ. Молодымъ парнямъ села Лучинскаго Егоръ Прокофьевичъ понравился, какъ лхой товарищъ, который, несмотря на свою солдацкость, и прочь погулять и пошалить, а дѣвушки и молодыя женщины нашли франтоватаго москвича весьма красивымъ кавалеромъ и съ перыхъ же дней принялись оказывать ему предпочтеніе передъ туземными кавалерами, на что послѣдніе неудовольствія не выражали, считая Яркина за своего земляка, за своего товарища, а на такихъ деревенскихъ парляхъ усебъхъ у женщинъ не сердятся.

Впрочемъ, какъ это всегда бываетъ, у Яркина сейчасъ же нашлись недоброжелатели и враги.

Кого-то онъ недостаточно усердно угощалъ, кому-то недостаточно оказалъ почтенія, въ комъ-то возбудилъ, быть можетъ, зависть, а только враги и недоброжелатели у него нашлись.

Стали о немъ нехорошо поговаривать.

— Откуда богатство-то нажилъ, любопытно было бы знать? — говорили недоброжелатели молодого человѣка. — Жилъ въ людяхъ, въ простыхъ работникахъ, жалованьишко

получалъ махонькое, отъ жалованьяшка денегъ не пачи-
вешь, а оцъ, вишь ты, купцомъ настоящимъ прѣхалъ, на
тройку помаловалъ, словно баринъ какой, домъ собирается
строить, торговлю затѣваетъ... Не иначе, что темными дѣ-
лами капиталъ приобрѣлъ...

Сейчасъ же сообразили различныя легенды, пошла сплет-
ня, а какой-то проважнѣй торгошъ, вѣзавшій Яркина по Мо-
сквѣ, сообщилъ кой-кому, что Егоръ Прокофьевъ просто-
на-просто ограбилъ, а, быть можетъ, и придушилъ своего
хозяина.

Торгошъ этотъ говорилъ, что Яркинъ былъ со своимъ
хозяиномъ въ банѣ въ отдѣльномъ номерѣ и что хозяинъ
этотъ, человекъ уже весьма преклонныхъ лѣтъ, въ банѣ
скоропостижно скончался, причемъ въ бумажникѣ его на-
шли всего лишь двадцать пять рублей, тогда какъ оцъ
имѣлъ съ собою постоянно большія деньги.

За молву эту ухватились, къ быдамъ прибавили много
вымысловъ, и недоброжелатели Яркина прямо-таки называли
его убійцею.

Однихъ изъ такихъ недоброжелателей, человекъ много
выпивавшій и во хмелѣ буйный, называлъ однажды Яркина
„убийцею“ въ глаза, и Яркинъ привлекъ его къ отвѣт-
ственности за клевету и оскорбленіе, желая не только на-
казать дерзкаго, но и реабилитировать себя.

Когда оскорбитель понесъ должное наказаніе, недобро-
желатели Яркина, что называется, прикусили язычокъ, а
тѣ, которые не прочь были вѣрить слухамъ о молодомъ че-
ловѣкѣ, перестали вѣрить этимъ слухамъ послѣ того, какъ
мѣстный становой приставъ, весьма любимый и уважаемый
жителями, былъ у Яркина въ гостяхъ и потомъ рассказы-
валъ самымъ почетнымъ жителямъ села, что Яркинъ совер-
шенно чистъ и отъ всякаго подозрѣнія въ чемъ нибудь пре-
ступномъ свободанъ.

Становой приставъ сообщилъ, узнавъ это изъ самыхъ
достоверныхъ источниковъ, что произведеннымъ слѣдстви-
емъ была доказана естественная смерть покойнаго хозяина
Яркина и что Яркинъ отъ всякаго суда былъ освобожденъ,
пропажа же денегъ у скоропостижно скончавшагося купца

не была доказана, и рѣшительно никто не зналъ, какою сумма находилась у него въ бумажникѣ въ день смерти.

— Нажилъ деньги Егоръ Прокофьевичъ трудами, бережливостью, — говорилъ ставовой приставъ. — Жалованье онъ получалъ хорошее, а, кромѣ того, хозяинъ его любилъ и дѣлалъ ему частыя подарки. Занимая должность приказчика, Егоръ Прокофьевичъ получалъ больше всѣхъ остальныхъ служащихъ, и деньги у него должны быть большія.

Заткнувъ ротъ клеветникамъ и оскорбителямъ строгимъ мѣрою, которую Яркийъ примѣнилъ къ оскорбившему его буяну, прочимъ онъ, что называется, замянулъ ротъ ласковымъ обращеніемъ, привѣтомъ, и весьма скоро у Яркихъ почти не было враговъ и недоброжелателей, по крайней мѣрѣ не было совершенно открытыхъ враговъ.

Яркийъ взялъ въ аренду у крестьянъ большой участокъ земли и принялся строить.

Пріѣхалъ онъ въ Лучинское весною, а къ зимѣ онъ уже перешелъ въ собственный домъ, въ домъ подъ желѣзною крышею, просторный, нарядный, красиво меблированный, окруженный всевозможными службами.

Къ дому примыкала большая въ два раствора лавка съ краснымъ товаромъ, которая и затрговала на славу, особен въ базарный день, когда въ Лучинское съѣзжалось очень много народа.

Въ просторной конюшнѣ на двѣнадцать денниковъ стояли приведенныя на продажу лошади и тамъ же помѣщался великолѣпный сѣрый жеребецъ для выѣзда самого Егора Прокофьевича, который и принялся кататься по праздникамъ по селу — зимою въ нарядныхъ бѣговыхъ, обитыхъ пушковымъ бархатомъ, саняхъ, а лѣтомъ въ шарабанѣ на резиновомъ колѣ.

Такимъ образомъ прошалъ годъ.

Втеченіе этого года Яркийъ почти ожедавно видался съ Петромъ Онуфріевичемъ Корчагинымъ, а первую половину этого года, пока строился домъ, жилъ даже у него въ качествѣ нахлѣбника, но никто не замѣчалъ какихъ-либо особенныхъ его отношеній къ красавицѣ Настѣ.

Завятыи стройкою, часто уѣзжавшіи въ Москву на това-